

Живущие в тишине

Екатерина Исавнина

18+

Екатерина Исавнина

Живущие в тишине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72139957

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда жизнь сужается до стен одиночества и нищеты, даже чужое письмо может стать билетом к спасению. Мария берётся за роль, к которой не имеет никакого отношения: в забытом, отрезанном от мира, пансионате она представляется племянницей неизвестной ей женщины – и вступает в мир, где разум и реальность подчинены иным законам.

Пансионат встречает её не только скрипучими полами и шёпотом старых стен, но и тайнами, уходящими в прошлое на целые столетия. Здесь каждый постоялец кажется не столько больным, сколько затерянным между мирами. Здесь невозможно отличить галлюцинацию от откровения.

Это история о том, как любовь может быть якорем – и петлёй. О том, как прошлое не умирает, а терпеливо ждёт. И о женщине, которая пришла сыграть чужую роль – а стала главной героиней древней трагедии, имя которой – судьба.

Содержание

Глава 1. ВЫБОР	4
Глава 2. УЖИН	27
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Екатерина Исавнина

Живущие в тишине

Глава 1. ВЫБОР

Мария поднялась ровно в 7:00 – не раньше, не позже. Это было уже не столько привычкой, сколько рефлексом. Тяжёлые веки дрогнули, и с тихим, почти болезненным вздохом девушка, не открывая глаз, протянула руку к стулу у кровати. Кончики её пальцев – бледные и тонкие, как у пианистки – нащупали знакомую ткань. На спинке, как всегда, висел её старенький хлопковый халат: выцветший до оттенка слоновой кости, с распущенными нитками по краям рукавов. Всё ещё тёплый, мягкий и пахнувший дешёвым кондиционером с едва уловимыми нотками лаванды.

Накинув его почти наощупь, Мария шаркнула босыми ногами по прохладному полу и побрела в сторону кухни.

На книжной полке её взгляд зацепился за коробку со старыми открытками – привычка, оставшаяся с детства. Мама всегда говорила: «У каждой открытки своя история, Машенька. Люди писали их с трепетом, от всего сердца». Теперь эти чужие истории казались единственным светлым пятном в её собственной жизни.

Комната дышала тишиной, нарушаемой лишь хрустом

шагов по скрипучим половицам. В полумраке кухни, где единственным источником света служил мутный апрельский рассвет, просачивающийся сквозь тонкие занавески, девушка на автомате нажала кнопку электрического чайника. Старый прибор ответил тихим загудением и шипением.

За окном маячил угол соседнего дома – такого же облупленного и серого, как и весь квартал. На карнизе, нахохлившись от утренней прохлады, сидела стайка голубей. Птицы выглядели почти каменными, лишь изредка одна встряхивала перьями, сбрасывая в воздух крохотные капли воды.

«Как мамина подопечная, тётя Тамара», – мелькнула мысль. Девушка невольно поёжилась, вспомнив, как в десять лет впервые попала в дом богатой старушки. Мама работала сиделкой, а её брали с собой, когда не с кем было оставить. Тётя Тамара сидела в кресле, окружённая дорогими вещами, и смотрела в окно такими же неподвижными глазами. А мама улыбалась, получая жалкие гроши, и только дома, на кухне, тихо плакала над счетами...

Проведя пальцами по спутанным каштановым волосам и зевнув, Мари направилась в ванную. Узкое помещение с отколотой плиткой и желтоватым налётом на кранах встретило её своим привычным видом. В запотевшем зеркале отразилось бледное лицо с тенью от подушки на щеке и кругами под глазами.

Прошло всего пару минут, прежде чем свист чайника взвыл на полной мощности. Пронзительный звук эхом отра-

зился от стен. Девушка вылетела из ванной с зубной щёткой в уголке рта, пеной на подбородке, и спешно выдернула шнур из розетки, будто спасая чайник от боли. Не теряя ни секунды, поставила гранёный стакан с заваркой под кипяток, одновременно наклоняясь к раковине – прополоскать рот под прохладной струёй.

Это утро явно не задалось.

Взглянув мельком на циферблат старых настенных часов с надписью «Янтарь», доставшихся ей от бабушки, Мари осознала, что времени осталось катастрофически мало.

Сегодня с утра должен был прийти её парень – Алексей. Высокий, светловолосый, вечно взъерошенный, с улыбкой, от которой у него в уголках глаз собирались крошечные морщинки. В последнее время эта улыбка стала какой-то натянутой, а взгляд – тревожным. Она знала, что у него проблемы на работе, что он беспокоится о деньгах, но каждый раз, когда пыталась заговорить об этом, он отмахивался или переводил тему.

И хоть она была бы рада его видеть, и в целом они заранее договаривались об этой встрече, настроение на что-то кроме сна у девушки не было. Да и чёрное, тяжёлое небо за окном, с которого уже начали срываться крупные капли дождя, лишь сгущало краски.

Старый шкаф скрипнул в знак протеста, когда она торопливо извлекла из него тёмно-синие джинсы и простую белую блузку. Переодеваясь, Мари случайно задела чашку с чаем.

Напиток пролился, оставив на ткани пятно размером с монету.

– Чёрт, – выругалась она, срывая испорченную блузку и вытаскивая новую – такую же, только с крошечной бисерной вышивкой на кармане. Подарок от мамы на прошлый день рождения.

Накинув старое шерстяное пальто цвета мокрого асфальта, воротник которого был стёрт от времени, она схватила телефон с тумбы и юркнула в приоткрытую дверь. Ржавые петли издали протяжный скрип.

Лестничная клетка встретила её запахом варёной капусты и влажной штукатурки.

На площадке курил Михалыч – сутулый сосед со второго этажа, с красным от спиртного носом и вечной сигаретой в пальцах. Он выпускал сизые кольца дыма в мутное окно. Несмотря на свой вид, глаза у него были внимательные, цепкие.

– Доброе утро, Михалыч, – буркнула Мари, пролетая мимо.

– Куда так спешим, красавица? – прохрипел старик, окинув её оценивающим взглядом. – Жизнь никуда не денется.

Но девушка уже стремительно спускалась по ступенькам, перепрыгивая через две за раз.

Апрельская погода в этих краях никогда не отличалась постоянством. Мари натянула ворот пальто повыше, спасаясь от пронизывающего ветра, и быстрым шагом направи-

лась к месту работы.

Город медленно просыпался. Редкие прохожие, кутаясь в куртки и плащи, спешили по делам. Бродячий пёс с мокрыми ветками в грязной шерсти обнюхивал переполненную урну у автобусной остановки. Маленькая стайка воробьёв суежилась возле хлебных крошек – видно, какая-то сердобольная бабушка подкормила.

Забегаловка «У Семёныча» – одноэтажное здание из красного кирпича с выцветшей вывеской и потрескавшимися оконными рамами – выглядела особенно уныло под хмурым небом. Но внутри всегда было тепло и пахло свежей выпечкой.

Несмотря на настойчивые ухаживания, иногда обидные прозвища и пошловатые шуточки от вахтовиков, Мари не жаловалась – чаевые радовали, как и восхищённые взгляды. Карие глаза, необычайно длинные угольные ресницы и бледная кожа на контрасте – и вот уже кто-то оставляет купюру просто так, за чуть наивную улыбку. Она давно научилась читать людей, понимать, что им нужно – навык, который передала ей мама. Но этот месяц оказался провальным. Размытая дорога у подножия горы отрезала шоссе, и забегаловка опустела.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул, когда Мари вбежала внутрь, стряхивая с пальто капли дождя. Пахло кофе и корицей. За стойкой возвышалась грузная фигура Семёна Петровича – лет пятидесяти, с широкой лысиной и уса-

ми, как у моржа.

– Мари, 8:01, – буркнул он, постукивая пальцем по часам.

Девушка виновато потупила взгляд и юркнула в комнату персонала. Там было тесно: металлические шкафчики, скрипучие стулья, повсюду развешанная форма.

– Твой хлыщ и то раньше тебя пришёл, – донёсся голос начальника, но в тоне чувствовалась не столько злость, сколько усталость.

– Уже? – выдохнула Мари, торопливо завязывая фартук дрожащими пальцами.

Она выглянула в зал. У окна, за дальним столиком, сидела знакомая мужская фигура. Мужчина листал что-то вроде автомобильного журнала, но руки его дрожали, а страницы шелестели чересчур громко. Луч солнца, пробившись сквозь тучи, подсветил его профиль – светлые волосы будто засияли золотом. На столе перед ним стояла чашка кофе, от которой вился тонкий завиток пара. Рядом лежал маленький букетик тюльпанов – увядающий, дешёвый, но такой трогательный.

Мари подошла и села рядом.

– Привет. Ты пришёл раньше, чем мы договаривались.

Алексей поднял взгляд с журнала, и она увидела, насколько у мужчины красноватые глаза. Но он попытался улыбнуться – широко, как раньше:

– Мне просто не терпелось тебя увидеть. – Он протянул ей цветы. – Извини, что такие... денег хватило только на эти.

– Они красивые. Спасибо, Лёша. – мягко сказала Мари,

принимая букет.

– Не возражаешь, если подожду, пока закончишь смену?

– Конечно, нет, – растерянно ответила она, заметив, как нервно парень комкает салфетку.

День тянулся мучительно долго. Посетители лениво потягивали кофе, кто-то листал газету, кто-то уткнулся в телефон. Девушка украдкой поглядывала на Алексея – тот всё так же сидел у окна, но с каждым часом становился всё беспокойнее. К трём часам солнце наконец пробилось сквозь облака, осветив пыльную барную стойку.

Семён Петрович ушёл в свой кабинет. Алексей пересел за бар, чем удивил молодого бармена. Мари сразу заметила его покрасневшие щеки и блестящие глаза.

– Ты пьёшь? – спросила она тихо, наклоняясь к нему.

– Ага. Скука смертная, – он достал фляжку из внутреннего кармана пиджака. – Составишь компанию?

– Лёша, что происходит? – Мари почувствовала, как начинает наматывать прядь волос на палец – старая привычка, выдающая её волнение. – У тебя же проблемы с этим...

– Да какие проблемы! – слишком громко воскликнул он. – Всё нормально! Вот только... – Он сделал большой глоток и зажмурился. – Вот только со вчерашнего дня я безработный.

Мари покачала головой, тревожно глянув на дверь кабинета.

– Лёша, не надо. Если Петрович увидит...

– Да пошёл он! – гаркнул Алексей.

За угловым столиком трое дальнобойщиков обернулись.

– Лёша, тише, – умоляюще прошептала Мари.

Молодой человек сделал ещё глоток, прищурился и посмотрел на Мари. В его глазах мелькнуло что-то отчаянное.

– А помнишь, как мы с тобой в прошлые выходные...

Мари с ужасом поняла, куда он клонит.

– Лёша, замолчи, – прошипела она, ощущая, как кровь приливает к щекам.

Но было уже поздно. Мужчина продолжил, словно пытаюсь самоутвердиться за счёт их близости:

– Малышка такая горячая в постели – вам и не снилось! – подмигнул дальнобойщикам, которые уже открыто ржали.

– Лёша! – Мари схватила его за рукав.

– А как стонет! Прямо кошечка! – не унимался он, и в голосе слышалась почти истерика.

Девушка отпрянула. Всё лицо пылало. Алексей неожиданно встал и преградил ей путь.

– Куда это ты?

– Отойди, Лёша, – твёрдо сказала она.

– А ну иди сюда! – он обхватил её за талию и потянул к себе.

– Пусти меня! – Мари попыталась вырваться, но мужчина только крепче прижал её к себе.

– Да ладно тебе, – он потянулся за поцелуем. – Прости... я просто... мне сейчас плохо, понимаешь?

Мария отстранилась, упираясь руками Алексею в грудь,

но пьяный кавалер не отступал. Его дыхание было горячим и сладковатым от алкоголя.

– Лёша, хватит, мне нужно работать! – взмолилась она, наконец вырвавшись из его объятий.

Кафе замерло. Кто-то наблюдал с неловкостью, кто-то с интересом. Мари, поправляя фартук, попыталась обойти Алексея, чтобы отнести грязные тарелки на кухню. Но когда она проходила мимо, он вдруг смачно шлёпнул её по ягодицам:

– Вот это попка! Правда, мужики?

Шлепок прозвучал, как выстрел. Мгновение тишины – и хохот, свист.

Мари замерла. Слёзы подступили к глазам.

Дверь кабинета распахнулась.

Семён Петрович вышел, его маленькие глаза холодно скользнули по залу. Он подошёл, посмотрел на Мари, потом на Алексея, лениво облокотившегося о стойку. На лице начальника выступило разочарование.

– Что это за цирк в моём заведении? – тихо спросил он, и от этого тона девушке стало ещё страшнее.

– Семён Петрович, я... – начала было она, но начальник резко поднял руку, останавливая её.

Он помолчал, явно борясь с собой.

– Я всё видел, – сказал он сухо. – Выходил покурить. Через окно смотрел.

Мужчина пристально взглянул на Мари. Его голос звучал

ровно, но в нём чувствовался гнев:

– Терпел твоего дружка из уважения. Но бордель из моего кафе делать не позволю!

Мари похолодела.

– Ты уволена, – произнёс он после паузы.

Было видно, что слова даются ему тяжело.

– И убери его отсюда.

Она остолбенела.

– Семён Петрович, прошу вас...

– Через пять минут – чтобы духу твоего тут не было! Расчёт в конце недели. – Последние слова прозвучали почти мягко, словно он давал ей время найти выход из положения. – И не забудь забрать ряженого!

В зале стало так тихо, что был слышен капающий кран на кухне.

Девушка развязала фартук и молча положила его на стойку.

Алексей приблизился к ней, протягивая руку. В его глазах теперь читался испуг – он понимал, что натворил:

– Не переживай, детка. Найдёшь другую работу. Зато теперь мы можем поехать ко мне... Я всё исправлю, честное слово!

Она обернулась. Его глупая, растерянная улыбка была последней каплей.

– Из-за тебя я потеряла работу, – прошептала она. – Ты опозорил меня.

– Да брось, я же просто пошу...

Мари не дала ему закончить. Её рука взметнулась вверх и со звонким хлопком опустилась на его щёку. Звук пощёчины эхом разнёсся по залу.

– Между нами всё кончено, – произнесла девушка. – Не звони. Не приходи. Забудь, что я существую.

Алексей стоял, держась за щёку, на которой уже проступал красный след от ладони. В глазах читалось не злость, а боль и удивление.

Девушка быстро собрала свои вещи из шкафчика в комнате персонала, накинула пальто и вышла через заднюю дверь, не желая снова проходить через зал.

Улица встретила Мари прохладным воздухом. Дождь наконец прекратился, но небо всё ещё оставалось затянутым тяжёлыми свинцовыми тучами. Она глубоко вдохнула, надеясь успокоиться, но внутри всё дрожало – от унижения, злости и горечи.

Девушка шла по тротуару, не замечая ни прохожих, ни машин, ни мокрых луж. Мысли шумели в голове подобно радио, которое невозможно выключить.

– Опять, – прошептала она. – Опять придётся врать – в академическом отпуске числюсь по болезни, а на деле просто денег нет на учёбу. Теперь и работы нет. Что я скажу в деканате? И как всё объяснить маме?

Дома она сбросила пальто прямо на кресло и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Квартира встретила её холодом и

тишиной. Желтоватое пятно от протечки большой бесформенной кляксой красовалось на потолке. С каждым мгновением внутри у девушки что-то туго скручивалось в клубок боли.

Наконец, не глядя, девушка нащупала телефон и набрала номер.

– Привет, Ань... – с усталостью произнесла она, когда на другом конце ответил мелодичный женский голос.. – Всё рухнуло. Меня уволили. И... мы с Лёшей расстались.

Она замолчала, слушая сочувственные восклицания подруги.

– Может, зайдёшь? – Мари привычно наматывала на палец прядь волос. – Выпьем по бокалу. Мне нужно просто... поговорить. С кем-то, кто не станет осуждать.

В окно пробивался тусклый свет уходящего дня. Аня, щебеча как весенняя птичка, пообещала быть через полчаса и упомянула бутылку мартини, подаренную «новым папиком».

Минуты тянулись медленно. Мари лежала, глядя в потолок, уже сорок минут, мысленно пытаясь не пережёвывать сегодняшний день. Очередь коротких, настойчивых сигналов вывели её из прострации. Она узнала их сразу: настойчивая вакханалия, присущая дикому нраву её подруги.

– Давай быстрее, я уже пальцев не чувствую! – раздался из-за двери весёлый голос.

Мария щёлкнула замком и едва успела отступить, как в

квартиру ворвалась Аня, с объёмным бумажным пакетом, зажав подмышкой бутылку. Волосы, собранные в небрежный пучок, растрепались от спешки. Даже в такой ситуации она выглядела безупречно – тушь не размазалась, матовая красная помада лежала ровно. Только внимательный взгляд мог заметить лёгкое напряжение в уголках накрашенных глаз. Во второй руке у подруги были газета с броским заголовком «Пенсионерочка» и конверт с золотыми краями.

– Принесла всё для экстренной терапии разбитого сердца! – торжественно объявила она. – Мороженое в трёх вкусах: шоколад, фисташка и клубника. Я не уверена, какой именно лечит душевные травмы, так что – на выбор!

Мари слабо улыбнулась, глядя на энергичные движения подруги.

– А это что? – спросила она, указывая на газету и конверт.

– А, это... – Аня сняла куртку и кинула её на спинку стула, но в движении была какая-то нервозность. – Встретила почтальона на лестнице. Он никак не мог достучаться до твоей сумасбродной соседки. Я сказала, что передам. А газету всучил в придачу – видимо, решил, что мне уже пора задуматься о пенсии.

Мари вздохнула, достала из шкафа гранёные стаканы и налила мартини.

– Она иногда по неделе дверь не открывает. Потом выясняется, что просто забыла, как пользоваться замком...

– И никто за ней не следит? – Аня с отвращением отпила,

поморщившись.

Они устроились на диване. Мари, поджав ноги, принялась за шоколадное мороженое.

– Кажется, у неё есть племянник, но он не появлялся уже пару лет.

Аня кивнула и решительно сменила тему:

– Ладно, рассказывай про этого козла. И подробно.

Мари не без облегчения вылила на подругу все накопившееся негодование. Она рассказала, как Алексей комкал салфетки ещё до первого глотка, как пытался улыбаться ей, принеся дешёвые цветы из киоска. Но потом алкоголь снёс все барьеры, превратив попытки казаться «настоящим мужчиной» в пошлый спектакль.

– Знаешь, что самое страшное? – Мари допила стакан, чувствуя, как мартини растекается по телу приятным теплом. – Когда я дала ему пощёчину, он не разозлился. Он просто... растерялся. Как будто сам не понимал, что творил.

– Мужики, – фыркнула Аня, но в её голосе слышалась не презрение, а усталость. – Все они дети. Большие, пьяные дети.

– А с учёбой как дела? – спросила она, явно намереваясь сменить тему.

Мари поморщилась. Воспоминания об университете до сих пор жгли – не только долги, но и тот проклятый преподаватель, который при всей группе заявил, что «людям её происхождения» не место в высшем образовании. Тогда она

просто ушла, не найдя сил бороться.

– Паршиво. Долги. Академ. Надеялась накопить и вернуться...

– А аренда?

– Через неделю. Хватит на месяц. Дальше – не знаю... Я не могу поверить, что он оказался таким... таким...

– Мудакom? – услужливо подсказала Аня, подливая ей ещё martini.

– Да, – с обидой в голосе подтвердила Мари

Аня молча кивнула. За окном сгущались сумерки, и только лампа с поцарапанным абажуром отбрасывала тёплый свет на лица девушек.

– Мне так жалко бабушку, – вдруг сказала Мария, наматывая прядь на палец. – Она как будто живёт в другом времени. То мужа ищет, то меня Ниной зовёт...

В её голосе прозвучала знакомая нотка – та же, что звучала в голосе матери, когда она рассказывала о своих подопечных. Жалость, смешанная с пониманием старческих причуд.

– Деменция? – тихо спросила Аня.

– Похоже. Я пыталась помочь, но она словно не слышит...

Девушка покрутила в руках пустой стакан, взгляд упал на конверт.

– Интересно, что в этом письме? – вдруг резко оживилась подруга, – Оно же ей, да? Смотри, какое красивое!

– Положи. Это не наше, – механически отозвалась Мари, но голос звучал неуверенно.

Но Аня уже схватила конверт, в её движениях появилась лихорадочная поспешность:

– Да ну тебя! Может, это что-то важное. Счета там или угроза выселения! – она говорила слишком быстро, убеждая не только подругу, но и саму себя. – Мы просто глянем, и если нужно – передашь ей. Спасём бабулю от беды!

Мари колебалась. В памяти всплыло лицо матери – как та тайком читала письма своих подопечных, оправдывая это заботой о них. «Иногда приходится нарушать правила ради добра, Машенька,» – говорила она. Тогда Мари осуждала мать. А теперь...

– Только... только глянем, – прошептала она. – Чтобы убедиться, что это не что-то срочное.

В конверте было письмо, аккуратно сложенное пополам. Бумага – дорогая, чуть желтоватая, с едва заметным тиснением по краям. Такую обычно выбирают люди старой закалки, привыкшие к церемониальности во всём, даже в мелочах. Мария расправила сгиб трясущимися пальцами, зацепившись взглядом за витиеватый почерк, которым было выведено имя её соседки. Чернила казались свежими, но при этом буквы были написаны так, словно человек учился писать ещё в те времена, когда каллиграфия считалась обязательным искусством.

– Ну, что там? – Аня подалась вперёд, в полумраке её накрашенное лицо казалось восковой маской.

Мария откашлялась и начала читать:

«Дорогая Екатерина Сергеевна,

Пишет Вам Александра Николаевна Варницкая. Надеюсь, Вы ещё помните обо мне, несмотря на то, что прошло столько лет с нашей последней встречи. Жизнь разбросала нас по разным концам, но кровные узы остаются навсегда, пусть даже настолько дальние.

Обращаюсь к Вам с просьбой, которую, знаю, непросто принять в нашем возрасте. Мой пансионат «Серебряный туман» нуждается в добрых руках и тёплом сердце. С каждым годом мне всё труднее справляться одной с заботами о моих постояльцах. Хоть возраст и даёт мудрость, но отнимает силы.

Вы – единственная оставшаяся родственница, к которой я могу обратиться. После моего ухода весь пансионат со всем имуществом перейдёт к Вам как к наследнице. А пока я жива, обещаю достойную ежемесячную оплату за Вашу помощь.

С надеждой и любовью,
Александра Варницкая».

Мария подняла глаза от письма. Лицо Ани застыло в выражении хищного изумления.

– Ты понимаешь, что это значит? – прошептала Аня, в голосе звучал знакомый азарт – тот самый, что звучал когда она рассказывала о своих «папиках». – Эта Варницкая совсем не в курсе, что её «родственница» – полубезумная ста-

рушка!

Мария задумчиво намотала прядь на палец. В её памяти всплыли детские воспоминания – как мать водила её по чужим домам, как они обе притворялись довольными крохами, которые им перепадали.

– У бабки был племянник, – медленно сказала Мари. – Но мне домоуправительница обмолвилась, что он вроде как за границу уехал много лет назад...

За окном молния разрезала небо, на мгновение озарив комнату призрачным светом. Капли стучали по карнизу монотонной барабанной дробью. Старая черёмуха во дворе раскачивалась под порывами ветра, царапая ветками стекло.

Вдруг из коридора донёсся шум. Громкие голоса, топот ног и звуки, похожие на работу какого-то инструмента.

– Что это? – Аня вздрогнула, едва не расплескав картины на светло-бежевый ковёр.

– Не знаю. Пойдём глянем.

Они оставили недопитые стаканы и поспешили к двери. На лестничной площадке толпились соседи. Михалыч стоял в стороне, тихо покачивая головой – в его глазах читалась печаль, словно он предвидел эту трагедию.

– Что случилось? – спросила Мария.

– У нас потоп! – ответил грузный мужчина с первого этажа. – Вода сверху льётся, прямо с потолка хлещет! Я уже всю мебель тряпками обложил, но это как мёртвому припарки!

Из-за спин соседей показался мужчина в форме МЧС.

– Вызов поступил двадцать минут назад, – сообщил он, поднимаясь по лестнице. – Будем вскрывать квартиру. Есть информация о хозяйке? Телефон, родственники?

– Это Екатерина Сергеевна, – обратилась Мария к спасателю. – Пожилая женщина, живёт одна. У неё... проблемы с памятью.

– Деменция у неё, – бесцеремонно вставила женщина в бигуди. – Совсем с катушек съехала. То по ночам воет, то с телевизором разговаривает. Я соцработнику сколько раз говорила, что её в специальное место надо, а не одну держать!

Спасатели уже возились с дверью соседки. Стальная дверь сопротивлялась недолго – через несколько минут раздался щелчок замка.

– Екатерина Сергеевна! – громко позвал спасатель, входя в квартиру. – Есть кто дома?

Запах старости смешался с сыростью. В полумраке виднелась мебель, накрытая вышитыми салфетками, стены увешаны фотографиями. На комодѣ стоял чёрно-белый телевизор, по-прежнему работающий на полную громкость.

Бойкая ведущая что-то рассказывала о погоде на завтра, её бодрый голос странно диссонировал с гнетущей атмосферой.

Спасатель двинулся в сторону кухни, откуда доносился звук льющейся воды. Девушки как замороженные последовали за мужчиной.

Екатерину Сергеевну нашли на кухне, возле переполнен-

ной раковины. Она лежала так мирно, словно просто решила прилечь отдохнуть. Седые волосы были аккуратно уложены, на лице – выражение умиротворения.

– Вызывайте полицию и скорую, – тихо сказал спасатель.

Время замедлилось. Мария наблюдала, как участковый – седой мужчина с усталым лицом – записывал показания соседей. Врач констатировал естественную смерть.

– У неё есть родственники? – спросила Мари.

Участковый тяжело посмотрел на неё:

– Нет, насколько нам известно. Одинокая была женщина.

– А... племянник? – неуверенно спросила она, вспоминая строки из письма.

– Был племянник, – участковый вздохнул, закрывая блокнот. – И дочь у неё была. Только они вместе попали в автокатастрофу пять лет назад. Никто не выжил.

Эти слова, произнесённые будничным тоном, эхом отдались в голове Марии. Она оглянулась на Аню, которая стояла, прислонившись к стене, бледная как полотно.

– Но как же... – начала было девушка, но осеклась.

– Что-то не так? – участковый внимательно посмотрел на неё.

– Нет, ничего, – Мария покачала головой. – Просто... жаль старушку.

Когда все наконец разошлись, а тело увезли, девушки молча вернулись в квартиру Мари. Оставленное на столе письмо казалось теперь чем-то неуместным.

Несколько минут они молчали. Только часы на стене отсчитывали секунды, а за окном усиливался дождь.

Аня резко поднялась с дивана. В её движениях появилась нервная решительность – та самая, что появлялась у неё перед каждой авантюрой.

– Мари, а что если это судьба? – в её глазах загорелся знакомый блеск.

Мария подняла на неё усталый взгляд:

– О чём ты?

Подруга схватила письмо, помахала им:

– Об этом! Представь: есть место, где тебе будут хорошо платить, где тебя ждёт наследство!

– Ты это серьёзно? – девушка покачала головой. – Притвориться родственницей старушки? Это... мошенничество.

– А что лучше? – голос Ани зазвенел от напряжения. – Ходить голой и босой или ухватиться за такую возможность?

Она наклонилась ближе, понизив голос:

– Подумай сама – ты без работы, без денег, аренда на носу... А тут – и кров, и работа, и деньги!

Мария отвернулась, глядя на фотографию себя с дипломом колледжа. Тогда всё казалось простым и достижимым.

– А если Варницкая начнёт расспрашивать о семье?

– Придумаешь что-нибудь! – Аня говорила лихорадочно, будто убеждая саму себя. – Скажешь, что была маленькой, когда родители разошлись...

Подруга ободряюще сжала плечо Марии:

– Если что-то выяснится – оправдаешься. Скажешь, что хотела помочь старушке, которая нуждалась в поддержке.

Мари задумчиво покусывала губу. В памяти всплыли воспоминания – как мать учила её «читать» стариков, понимать их потребности и страхи. Эти навыки могли пригодиться.

– А что если она не такая добрая?

– Посмотри на почерк! – Аня снова взяла письмо. – Такой аккуратный, каллиграфический! Так пишут только воспитанные люди.

Мария потянулась к стакану, залпом допила мартини. Алкоголь притупил тревогу.

– Даже если соглашусь... как объяснить, почему приехала я, а не сама Екатерина Сергеевна?

– Скажешь правду! – Аня хлопнула в ладоши, но на её лице мелькнула тревога. – Что бабушка умерла, а ты, её внучатая племянница, нашла письмо и решила выполнить её волю!

Аня вскочила, энергично жестикулируя:

– Представь: старый особняк за городом... Свежий воздух, покой. Милые старушки за чашкой чая. Это же как отпуск с доплатой!

Мари невольно улыбнулась. В голове пронеслись образы из детства – уютные комнаты, где мать ухаживала за своими подопечными в их лучшие дни, когда те были благодарны и добры.

– Что меня здесь держит? – прошептала она сама себе. –

С парнем разошлась, с работы уволили...

– Вот именно! – Аня плюхнулась рядом, схватила её за руки. – Может, это и есть твой шанс начать заново?

Мария осторожно высвободила руки, снова наматывая прядь на палец:

– А если не справлюсь?

– Помогать старикам? – Аня пренебрежительно отмахнулась, но в её голосе прозвучала фальшивая нота. – Что тебе милые пенсионеры? К тому же, если там плохо – всегда можешь вернуться.

Мария снова взглянула на фотографию, потом на письмо. Её лицо в тусклом свете выглядело измождённым.

– Хорошо, – наконец произнесла она так тихо, что Аня едва расслышала. – Я подумаю.

– Отлично! – Аня на секунду просеяла, но тут же поморщилась и небрежно поставила стакан на столик – А теперь доставай клубничное мороженое. Нам нужно заесть эту гадость.

Глава 2. УЖИН

Серое небо апреля нависало над трассой тяжёлым свинцовым покрывалом. Маленький красный «Фольксваген» Ани – единственное яркое пятно на унылом пейзаже – храбро преодолевал километр за километром, удаляясь от городской черты. Салон автомобиля был заполнен гулом радио, перемешавшимся с треском помех при потере сигнала, и ароматом дешёвого кофе, чуть закрывающего дно термоса, терпкого и чуть горьковатого, как сама эта поездка.

Мария, устроившись на пассажирском сиденье, молча смотрела в окно. Мимо проплывали редкие деревья с едва набухшими почками, брошенные поля с прошлогодней, потемневшей от времени травой, и одинокие деревенские домики, будто вросшие в землю от старости. Её небольшой чемодан и рюкзак с самыми необходимыми вещами занимали добрую половину заднего сиденья – всё, что она решила взять с собой в новую жизнь. Несколько дней, прошедшие с момента прочтения письма, пролетели как в тумане: звонок по указанному в письме номеру, короткий разговор с сухим женским голосом, сборы, прощание с квартирой.

В зеркале заднего вида отражалось её бледное лицо с тёмными кругами под глазами – след бессонных ночей и мучительных сомнений. Мария машинально сжала челюсти, почувствовав знакомое напряжение в скулах. Мать всегда гово-

рила: «Изучай людей, доченька, читай их глаза, руки, голоса. Богатые старики – они как открытые книги, только нужно знать, на какой странице искать правду». Сейчас эти слова всплывали в памяти особенно ярко.

– Малыш, ну что ты как моя бабушка после "Дома-2", – раздался голос Ани, легкомысленно звонкий, но с едва уловимыми нотками напряжения. – Лицо кислое, как будто мы едем в налоговую, а не в новую лучшую жизнь. Улыбнись! Хочешь, губки уточкой сделай – вот так! – она изогнулась, показав, как именно.

Мария хмыкнула, опуская глаза. Её пальцы машинально потянулись к кошельку в сумочке – привычка считать деньги в стрессовых ситуациях.

– Просто не могу отделаться от ощущения, что это всё... неправильно. Я еду занять место умершей женщины, выдавая себя за её родственницу. Это же... это же мошенничество. Что, если полиция...

– Господи, Мари! Да если бы я получала по рублю за каждую ложь, сказанную из лучших побуждений... я бы сейчас каталась не на «жучке», а на «Тесле»! – Аня театрально закатила глаза, её пухлые губы сложились в забавную гримасу.

Говорила она быстрее обычного – Мария это заметила.

– Ты как будто банк грабить собралась! – подруга хихикнула, подмигнув проезжающему мимо дальнбойщику. – Ты едешь помогать одинокой старушке с её пансионатом, только и всего. И да, ты не родственница Екатерины Сергеевны, но

ты искренне хочешь помочь. В чём преступление?

Мария нервно теребила рукав свитера, обнажая худое запястье с выступающими венами. Что-то в поведении Ани настораживало. Подруга была слишком оживлённой, слишком старательно веселой.

– Ань, а ты зачем поехала со мной? – спросила она внешне. – Правда, зачем?

Аня на мгновение замешкалась, её улыбка дрогнула.

– А что такого? Лучшая подруга, поддержка... – она отвела взгляд. – Да и в городе сейчас... скучно. Надоело всё.

Мария уловила фальшь в голосе. Подруга что-то скрывала. Бежала от чего-то.

– Ну не знаю... Может, я просто накручиваю себя, – пробормотала Мария, решив пока не настаивать.

– Вот именно! – Аня решительно кивнула, выкручивая руль на повороте. Её пальцы с ярко-розовым маникюром крепко сжимали изрядно потёртую кожу руля. – Ты сейчас придумываешь проблемы на пустом месте. Всё будет отлично, вот увидишь!

Навигатор на телефоне Ани мигнул, оповещая о необходимости свернуть на узкую второстепенную дорогу. Асфальт здесь постепенно сменился грунтовой, машину начало слегка потряхивать на ухабах. По обеим сторонам дороги тянулись унылые черные поля, кое-где прорезанные сиротливыми берёзовыми колками. Вдалеке, на горизонте, темнела полоса густого леса, словно щетина на небритом лице земли.

– Вот черт, – Аня прикусила нижнюю губу, глянув на бензин. – Нам срочно нужно влить ласточке немного жизненной силы. Там впереди вроде бы должна быть заправка, я видела указатель...

Вскоре вдаль показались очертания небольшой заправочной станции, выглядевшей так, словно она застряла во временах позднего СССР. Облупившаяся краска цвета выгоревшей охры, проржавевшие старые колонки, маленький магазинчик с мутными окнами, затянутыми пыльной плёнкой. Над крышей одиноко скрипел на ветру покосившийся флюгер в форме петуха.

– Мда, не «Роснефть», конечно, – хмыкнула Аня, сбавляя скорость. Её носик забавно сморщился. – Но выбирать не приходится.

Она подъехала к колонке, заглушила мотор и потянулась за кошельком, попутно проверяя своё отражение в зеркале заднего вида и поправляя выбившуюся прядь.

– Заполни бак, а я пойду в туалет, – Мария выбралась из машины, поёживаясь от прохладного ветра, который пробирался под тонкую куртку, заставляя дрожать. – И может, куплю что-нибудь перекусить.

Внутри магазинчика пахло пылью, крепким кофе и чем-то неуловимо тоскливым – то ли застарелым табачным дымом, то ли мокрой древесиной. Потолок был низким, с потемневшими от времени балками, между которыми застыли паутины. Тусклый свет единственной лампы с усилием про-

бивался сквозь слой пыли на плафоне, отбрасывая на стены причудливые тени.

За прилавком сидела женщина неопределённого возраста в потёртой вязаной кофте болотного цвета. Её жёсткие, давно не крашенные волосы были стянуты в тугий пучок, обнажая высокий лоб с глубокими морщинами. На шее, едва заметный под высоким воротником кофты, проглядывал тонкий золотой крестик. Руки с набухшими венами и потрескавшейся кожей дрожали, когда она листала что-то под прилавком.

Не отрываясь от телефона, продавщица бросила равнодушный взгляд блёклых глаз на вошедшую Марию, но девушка заметила, как женщина быстро что-то сунула под прилавок – ещё один журнал, потрёпанный, с закладками.

Мария направилась к холодильнику с напитками, но её взгляд зацепился за стойку с книгами. Среди современных глянцевого издания с кричащими заголовками и яркими обложками выделялся старый экземпляр с крупной надписью «Мистика Тихих мест» и изображением зловещего особняка на обложке. Здание, запечатлённое на фотографии, казалось вырванным из викторианской эпохи: мрачное, с высокими окнами и угловой башенкой, увенчанной флюгером в виде фигурки ворона.

«Такие журналы читала соседка Екатерина Сергеевна», – мелькнула мысль. Что-то в нём притягивало взгляд Марии. Она машинально взяла его в руки и перелистнула несколько

слегка пожелтевших страниц.

На обороте красовалась фотография старинного особняка, окружённого высокими деревьями с искривлёнными стволами. Свинцовое небо над домом, казалось, было тем же самым, что нависало сейчас над дорогой. Подпись гласила: «Старинная усадьба – место, где время течёт иначе». Ниже мелкими буквами было напечатано: «Согласно местным легендам, бывшая хозяйка старой усадьбы заключила сделку с дьяволом, чтобы продлить свою жизнь. С тех пор никто не видел её покидающей пределы дома, а те, кто отваживался зайти к ней, говорили о странных вещах, происходящих внутри...»

Мария почувствовала, как холодок пробежал по спине. Мать когда-то говорила о «тёмных домах» – местах, где скапливается что-то нехорошее. Она поспешно захлопнула журнал и поставила его обратно на полку. «Просто совпадение», – подумала девушка, пытаясь унять дрожь в пальцах.

– Два эспрессо, пожалуйста, – обратилась Мари к продавщице, решив, что немного кофе не помешает прояснить мысли.

Женщина оторвалась от телефона и молча кивнула. Её руки дрожали ещё сильнее, когда она включала допотопную кофемашину.

– Первый раз в здешних местах? – неожиданно спросила продавщица, не поднимая глаз от чашек.

Её голос звучал настороженно.

– Да, – ответила Мария. – Мы проездом. Направляемся в пансионат недалеко отсюда.

Женщина застыла на мгновение, затем медленно подняла взгляд на девушку. Крестик на её шее слегка поблёскивал в тусклом свете.

– В пансионат? – в голосе послышалось что-то похожее на тревогу. – Не в «Серебряный туман» случайно?

Мария кивнула, удивлённая осведомлённостью женщины.

– Именно туда. Вы знаете это место?

Продавщица промолчала несколько секунд, словно взвешивая слова. Шрам на её руке – старый, от ожога – побледнел, когда она сжала пальцы.

– Все здесь знают эту усадьбу, – наконец произнесла она, ставя перед Марией два картонных стаканчика с кофе. – Красивое место. Очень тихое. – Она помедлила, потом быстро добавила шёпотом: – Работала там когда-то. До...

Дверь магазина с грохотом распахнулась, впуская порыв холодного ветра и Аню.

– Мари, ты что тут застряла? – Аня влетела внутрь, принося с собой запах бензина и свежести. Её щёки покраснели от ветра, а волосы растрепались ещё сильнее. – Ой, кофе! Умничка!

Она подмигнула продавщице и, взяв свой стаканчик, сделала маленький глоток.

– Ммм, вкусно! – восторженно прошептала она, хотя кофе был, на взгляд Марии, откровенно паршивым.

Подруга сунула в руку Марии пару тысяч и выскочила на улицу, забрав стаканчик кофе с собой, словно спешила куда-то.

Девушка, подумав с секунду, отдала одну купюру женщине, та, отсчитывая сдачу, вдруг сунула Марии в руку не только деньги, но и маленькую записку. На ней рваными буквами было написано: «Не оставайтесь в нём после полуночи».

Девушка инстинктивно спрятала записку в карман, ощущая, как быстрее забилось сердце.

Расплатившись за кофе и бензин, Мария вышла к машине и застала подругу в пылом споре с мужчиной в замасленном комбинезоне. Из-под капота ласточки торчали мужские ботинки.

– У нас тут мини-драма! – театрально приложила ладонь ко лбу Аня. – Моя красавица умерла. Но я постаралась не расплакаться, чтобы не смазать тушь. Видишь, как я держусь?

– Помпа, – хмуро пояснил круглолицый механик. – Минимум три часа. Или до утра.

Из-под машины выбрался второй мужчина – высокий, худощавый, с серыми глазами и преждевременной сединой в тёмных волосах. В отличие от своего напарника, он был одет в чистую рубашку и джинсы. Ногти у него были слишком чистыми для человека, работающего на заправке.

– Я Глеб, – представился он, с интересом оглядывая девушек. – Мы с Матвеем тут зрители. Вам сегодня сильно

не повезло – помпа действительно накрылась.

Мария внимательно изучила его лицо. Что-то в его взгляде говорило о том, что он о чем-то умалчивает.

– Помпа? До утра?! – Аня захлопала глазами, как в романтической комедии. – А как же мы? Мы такие беззащитные, нежные, в этой глуши... И что теперь делать? Мы должны до вечера добраться до места.

Глаза Ани наполнились слезами, что было совсем на неё не похоже. Мария знала этот приём – её подруга мастерски умела вызывать у мужчин желание спасти и защитить. Но сейчас этот флирт казался скорее защитной реакцией, чем игрой.

– А куда вы направляетесь, если не секрет? – поинтересовался Глеб, явно тронутый видом расстроенной девушки.

– В пансионат «Серебряный туман», – ответила Мария, наблюдая за реакцией. – Это где-то в закрытом поселке, недалеко отсюда.

Глеб вскинул брови, на его лице отразилось удивление. Матвей, стоявший рядом, быстро отвёл взгляд и принялся усиленно вытирать руки о тряпку.

– В «Серебряный туман»? Это же усадьба Варницких! – он присвистнул. – Вы туда... по работе?

– Да, – кивнула Мария, чувствуя необъяснимое напряжение. – А вы знаете это место?

Глеб и Матвей обменялись быстрыми взглядами. В глазах механика мелькнул страх.

– Конечно знаем, – Глеб улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. – Это в двадцати километрах отсюда, за лесом. Я... работал там когда-то.

– И что же нам теперь делать? – Аня взмахнула руками, умудрившись изобразить одновременно отчаяние и кокетство. – Не пешком же туда идти!

Глеб задумчиво потёр подбородок, затем решительно кивнул:

– Знаете что? Я могу вас подбросить. Моя смена только что закончилась, а я всё равно еду в ту сторону.

Выражение лица Ани мгновенно изменилось, она просияла как начищенный самовар.

– Правда? Вы наш спаситель! – девушка вскочила, едва не расплескав остатки кофе. – Матвей, вы же проследите за нашей машиной?

Тот неопределённо хмыкнул, но под обаятельным взглядом Ани смягчился:

– Куда ж она денется. Сделаем, как только запчасти привезут.

Аня ослепительно улыбнулась, и даже Матвей, казалось, приосанился под её взглядом.

– Тогда решено! – Глеб хлопнул в ладоши. – Только давайте поторопимся, скоро стемнеет, а дорога там не самая лучшая.

Когда они перегружали вещи в потрёпанный, но чистый пикап Глеба, Мария не могла отделаться от мысли о стран-

ном журнале, записке продавщицы и реакции механиков на название пансионата. Бумажка в кармане казалась горячей.

«Просто совпадение», – повторила она про себя, забираясь на переднее сиденье рядом с Глебом, в то время как Аня устроилась сзади.

Пикап тронулся с места, увозя их всё дальше от города и всё ближе к загадочному пансионату «Серебряный туман». Мария бросила последний взгляд на заправку, где на стенде всё ещё виднелся журнал с мистическими историями.

Глеб включил радио, и салон наполнился треском помех. Он попытался поймать станцию, но безуспешно – только отрывки мелодий и голосов пробивались сквозь статический шум.

– Здесь всегда так, – пояснил он, вглядываясь в дорогу. – Сигнал не ловит.

Мария подметила насколько мужчина уверенно ведёт машину, не глядя на указатели. Дорогу знал наизусть.

Они свернули на узкую полосу, уходящую прямо в лес. Кроны деревьев сомкнулись над ними, словно своды, и тени заплясали по лобовому стеклу.

– А почему эта дорога такая заброшенная? – поинтересовалась Аня, подавшись вперёд и оперевшись локтями о спинки передних сидений. Её длинные ресницы затрепетали, когда она заглянула в лицо Глебу. – И как вообще получилось, что посреди леса стоит усадьба?

Глеб несколько раз бросил взгляд в зеркало заднего вида,

словно проверяя, не следует ли за ними кто-то.

— Эта усадьба очень старая, построена ещё в конце XIX века, — начал он неторопливо. — Когда-то здесь был целый посёлок, но со временем люди разъехались. А место и правда удивительное... будто существует по своим собственным законам.

— В каком смысле?

— Трудно объяснить, — Глеб задумчиво постучал пальцами по рулю. — Просто время там течёт иначе. И люди... меняются.

Мария заметила, как он сжал руль сильнее при этих словах.

— Ох, звучит загадочно и романтично! — Аня захлопала в ладоши. — Прямо как в книжках! А вам-то как тут, в этих чащобах? — мурлыкала она. — Я бы с ума сошла без кофеен и вай-фая...

Она говорила с Глебом — то громко, то шепотом, — и каждый её жест был будто тщательно отрепетирован. Мария видела в зеркале: губки бантиком, хлопает ресницами, локон уложен как случайно. Настоящая актриса. Но сейчас Мария понимала — подруга флиртует не от легкомыслия, а от страха. Это была её защитная реакция.

Глеб усмехнулся, не отводя взгляда от дороги.

— Привыкаешь. Как уже говорил, здесь время идёт иначе. Иногда я думаю, что оно вообще тут стоит на месте.

— Ой, не пугайте, — Аня засмеялась, но Мария уловила в

её смехе нотку опасения.

За окном мелькали силуэты: одинокая корова в поле, стоя ворон, старик на обочине с пустым ведром. Всё как будто подёрнуто лёгкой дымкой, как во сне.

– Вы давно знаете усадьбу Варницких? – спросила Мария.

Она старалась говорить ровно, но голос всё же дрогнул.

Глеб кивнул.

– Она здесь как памятник. Местные сторонились её ещё до того, как там устроили пансионат. Мол, плохая земля, пропитана чем-то не тем.

Слова «плохая земля» эхом отозвались в памяти Марии. Мать говорила что-то похожее о некоторых домах в их районе.

– А сами лично были внутри? – не удержалась Аня.

– Был. Несколько раз. По делам. – Глеб снова сжал руль. – Туда редко кто навещается, если честно. Даже соцработники стараются посещать усадьбу только днём. Говорят, техника там барахлит. Электричество замыкает, будто дом сам решает, когда ему нужно освещение.

Потом Глеб продолжил, почти шёпотом:

– Я вам так скажу. Там красиво. Но красота бывает разная. Иногда она как болото – завораживает, а потом – хоп, и ты уже по шею.

Аня нервно рассмеялась.

– Ой, перестаньте! Вы будто фильмов ужасов пересмотрели.

Мария вздрогнула. Не от слов – от интонации. Мужчина не шутил.

В машине на мгновение воцарилась тишина. Аня наклонилась к подруге и прошептала:

– Мар, а может, правда не стоило ехать? Я имею в виду... – она замолчала, кусая губу. – В городе сейчас так... неспокойно. У меня проблемы с одним... знакомым. Думала, здесь можно будет переждать.

Значит, Мария была права. Аня тоже бежала от чего-то.

– Мы почти приехали, – сказал Глеб. – Сейчас будет поворот. После него – прямая до ворот.

Мария почувствовала, как сердце забилося чаще. Где-то вдали, сквозь стволы деревьев, виднелись очертания особняка. Высокие окна, крыша с башенками, балкон с ажурной оградой.

– Добро пожаловать в «Серебряный туман», – сказал Глеб. – Вы уже почти.. дома.

Мария сглотнула и посмотрела на подругу.

Та подмигнула и шепнула, изящно поправляя волосы:

– Главное – не показывать, что боишься.

Спустя несколько минут деревья расступились, открывая взору высокие, кованые ворота, чёрные, как копоть, с винтажными завитками. За ними начиналась аллея, усыпанная цветущей Вишней.

Старый пикап, кряхтя и подрагивая на выбоинах, преодолел последнее довольно внушительной длины расстояние, и

перед пассажирами предстала усадьба Варницких.

Мария невольно подалась вперед на сиденье, ее сердце забилось чаще. Особняк стоял на пологом холме, окруженный парком. Викторианское здание возвышалось над садом двумя этажами. Эркеры и выступы создавали причудливую игру теней на фасаде здания. Некогда белый камень стен потемнел от времени и влаги, приобретя оттенок старой слоновой кости с черными пятнами грибка. Левое крыло усадьбы венчала изящная башенка с позеленевшим от времени медным флюгером в виде взлетающей птицы. Окна первого этажа были высокими, готическими, с витражами, которые сейчас, в полумраке, казались слепыми глазами давно забытого прошлого.

В одном из окон второго этажа мелькнула тень – быстро, словно кто-то отошёл от стекла.

– Боже мой, – выдохнула Мария, не отрывая взгляда от здания. – Это... впечатляет.

Ее чувства были смешанными. Красота архитектуры завораживала, но было в ней что-то тревожное. Казалось, дом наблюдает за приближающимся автомобилем, оценивает новоприбывших, решает их судьбу.

– Прямо декорация для готического хоррора! – восторженно воскликнула Аня, доставая телефон. – Невероятно атмосферно!

Ее кудри подпрыгивали в такт движениям, а глаза светились от возбуждения. Девушка выскочила из пикапа, не до-

жидаясь полной остановки, и закружилась на гравийной площадке, запрокинув голову к небу.

– Только представь, сколько историй хранят эти стены! – она начала делать селфи на фоне особняка, меняя позы и выражения лица. – Это будет бомба в моем инстаграме!

Глеб заглушил двигатель и некоторое время сидел молча, вглядываясь в фасад здания. Его лицо с резкими чертами, обычно выражавшее спокойную уверенность, сейчас выглядело напряженным. Он медленно снял солнцезащитные очки, хотя солнца не было видно уже несколько часов, и повернулся к Марии.

– Уверены, что хотите остаться? – его голос звучал ниже обычного. – Место, конечно, колоритное, но какое-то... недоброе.

Мария пожала плечами, пытаясь казаться более беззаботной, чем чувствовала себя на самом деле.

– Это всего лишь старый дом, Глеб, – она улыбнулась, но улыбка вышла несколько натянутой.

Мужчина кивнул и вышел из машины. В сгущающихся сумерках его высокая фигура с широкими плечами отбрасывала длинную тень на гравий. Он открыл багажник и начал доставать чемоданы.

– Ну, это ваше решение, – сказал он, поднимая самый тяжелый чемодан без видимых усилий. – Но если что – звоните.

Мария благодарно кивнула и помогла ему с более легкими

сумками. Пока они выгружали багаж, она не могла отделаться от ощущения, что за ними кто-то наблюдает из темных окон верхнего этажа.

Сад вокруг особняка был похож на заброшенное царство природы, где человеческая рука давно уступила первенство дикому росту. Живая изгородь превратилась в стену переплетенных ветвей, а то, что когда-то было ухоженными клумбами, теперь представляло собой островки высокой травы с вкраплениями одичавших роз. По вымощенной камнем дорожке, ведущей к парадному входу, змеилась тонкая полоска мха, а в трещинах между плитами пробивались упрямые ростки каких-то сорняков.

– Похоже, здесь давно никто не занимался садом, – заметила Мария, осторожно ступая по скользким от вечерней росы камням.

– Зато аутентично! – Аня сделала еще один снимок, теперь уже слегка потрескавшейся садовой скульптуры, изображавшей то ли греческую богиню, то ли римскую императрицу. – Вот это я понимаю – настоящий старый английский сад!

Глеб хмыкнул, неся сразу три сумки.

– Англия вообще-то очень далеко отсюда, – пробормотал он, оглядываясь по сторонам.

Его настороженность передалась и Марии, заставляя ее внимательнее всматриваться в тени под деревьями.

Когда они поднялись по выщербленным ступеням к тяже-

лой дубовой двери с бронзовым молотком в виде лисий головы, та неожиданно открылась, словно их уже ждали.

На пороге стояла высокая худощавая женщина лет шестидесяти пяти, с идеально прямой спиной и собранными в тугой пучок седыми волосами. Ее лицо напоминало гравюру: глубокие морщины на лбу и возле рта, тонкие сжатые губы, острый подбородок. Глаза – светло-серые, почти прозрачные – смотрели холодно и оценивающе. Одета она была в строгое темно-синее платье старомодного покроя, с высоким воротником и длинными рукавами, несмотря на теплый вечер.

– Мария? – спросила женщина голосом, который звучал больше строго, чем приветливо. – Я Вера Николаевна, экономка. Вас ожидают.

Ее взгляд скользнул по Ане и Глебу с плохо скрываемым неодобрением.

– А это...?

– Мои друзья, – быстро ответила Мария. – Анна и Глеб. Они помогли мне добраться.

– Понятно, – Вера Николаевна поджала губы еще сильнее. – Александра Николаевна предупреждала только о вас. Но что ж... Входите. Я покажу вам комнаты.

Она отступила в сторону, позволяя им войти в просторный холл. Внутри усадьба выглядела так, будто время здесь остановилось в начале прошлого века: тяжелая деревянная мебель, потертые ковры, бронзовые канделябры и пожелтевшие от времени фотографии в массивных рамах.

Аня издала восторженный вздох.

– Это потрясающе! Как музей!

Вера Николаевна бросила на нее взгляд, в котором промелькнуло что-то похожее на презрение и жалость.

– Это дом, а не музей, – сказала она тише, чем хотела. – И здесь есть определенные... традиции. Александра Николаевна ценит покой и порядок.

Глеб опустил чемоданы на пол и огляделся. Его лёгкой настороженности и след простыл. Но он держался рядом с девушками, словно готовый в любой момент закрыть их собой от опасности.

– Когда мы сможем увидеть хозяйку дома? – спросила Мария, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Александра Николаевна ждет вас в библиотеке, – ответила экономка, машинально поправляя что-то под воротником блузки. – Но сначала, возможно, вы захотите освежиться с дороги?

Не дожидаясь ответа, она повела их вверх. Широкие деревянные балясины лестницы были покрыты резьбой – цветочные мотивы, перемежающиеся с птицами и странными, почти человеческими лицами.

– В «Серебряном тумане» есть определённые правила, – произнесла экономка, не оборачиваясь. – Завтрак подаётся с восьми до девяти, обед в час дня, ужин в шесть вечера. После десяти вечера в доме должна соблюдаться тишина – Александра Николаевна очень... чувствительна к нарушению по-

коя.

Они достигли площадки второго этажа. Здесь коридор расходился в две стороны – длинный, с тёмными панелями из дуба и рядом закрытых дверей.

– Ваша комната, Мария, – Вера Николаевна указала на дверь в конце правого коридора, и её рука едва заметно дрогнула. – Александра Николаевна специально выбрала её для вас. Это бывшая детская, с видом на сад.

Экономка окинула Аню взглядом, в котором читалось сожаление.

– Для вашей... подруги мы можем подготовить гостевую комнату рядом. А вот для мужчины... – она поджала губы, глядя на Глеба. – Мужчинам не разрешается оставаться на ночь в главном здании. Таковы... семейные традиции.

– Я не собираюсь оставаться, – спокойно ответил Глеб. – Просто хотел убедиться, что девушки благополучно устроились.

Он достал из кармана небольшой металлический предмет – старый армейский жетон на цепочке – и незаметно сунул его Марии.

– На всякий случай, – пробормотал он тихо.

– Да и я ненадолго, – быстро вставила Аня, явно разочарованная тем, что не сможет провести больше времени в таком колоритном месте. – Уеду, как только Глеб починит мою машину.

Оставив слова Анны без внимания, Вера Николаевна по-

вернулась к Марии. Что-то в её лице на мгновение смягчилось.

– Александра Николаевна с нетерпением ждёт встречи с... – она запнулась, подбирая слова, – с новым членом семьи. Она очень обрадовалась, когда узнала о вашем существовании, Мария. Сказала, что в вашем лице видит... возможность.

В последнем слове звучало что-то такое, что заставило девушку сжать в руке жетон Глеба.

Экономка потянула за шнурок старинного звонка, и где-то в глубине дома раздался мелодичный звон.

– Агафья приготовит ваши комнаты, – пояснила она. – А пока вы можете оставить вещи здесь и пройти в библиотеку. Александра Николаевна... не любит ждать.

Пока они спускались обратно по лестнице, Мария заметила, как сгустились сумерки за высокими окнами. Сад погрузился в сизую мглу, и только силуэты деревьев чернели на фоне темнеющего неба. В доме зажглись лампы – не электрические, а настоящие масляные светильники с мягким, чуть колеблющимся пламенем.

– У вас проблемы с электричеством? – поинтересовалась Аня, но её обычная бойкость куда-то делась.

– Александра Николаевна предпочитает традиционное освещение, – ответила экономка, и в её голосе прозвучала едва уловимая дрожь. – Говорит, что электрический свет... нарушает особую атмосферу дома.

Они прошли через холл в другое крыло дома. Здесь потолки были ещё выше, а стены покрыты дубовыми панелями тёмного цвета, на которых висели старинные портреты. Мария невольно замедлила шаг, вглядываясь в лица изображённых на них людей – мужчин с суровыми глазами и тонкими губами, женщин с высокими причёсками и жемчужными ожерельями. Одна из картин особенно привлекла её внимание – женщина в тёмно-синем платье с поразительно голубыми глазами.

– Кто это? – спросила Мария, останавливаясь.

Вера Николаевна бросила быстрый взгляд на портрет, и что-то в её лице дрогнуло.

– Екатерина Варницкая, бабушка Александры Николаевны. Портрет написан в 1885 году. Говорят, она была... особенной женщиной.

Они подошли к высоким двустворчатым дверям из тёмного дерева с бронзовыми ручками. Экономка постучала и, не дожидаясь ответа, открыла двери.

– Александра Николаевна, к вам пришли, – произнесла она с почтительным наклоном головы.

Библиотека оказалась просторной комнатой с высокими окнами, выходящими на заднюю часть сада. Стены от пола до потолка занимали книжные шкафы, заполненные старинными фолиантами в кожаных переплётах. Камин из серого мрамора занимал центральное место у одной из стен; над ним висел ещё один портрет – на этот раз женщины средних

лет, с тем же пронзительным взглядом голубых глаз, что и на портрете в коридоре. Пол был покрыт персидским ковром глубокого винного цвета с замысловатым узором, а в центре комнаты стоял массивный стол красного дерева, заваленный книгами, бумагами и какими-то старинными инструментами, напоминающими астролэбии и компасы.

Тяжёлые бархатные шторы цвета спелой сливы были наполовину задёрнуты, оставляя узкую полосу вечернего света. В углу комнаты горел торшер с абажуром из цветного стекла, отбрасывая причудливые тени на книжные корешки.

У окна, в инвалидном кресле, сидела хрупкая фигура. Когда гости вошли, кресло медленно повернулось, и Мария впервые увидела Александру Николаевну Варницкую.

Ей было, должно быть, около девяноста пяти лет, но возраст, казалось, коснулся её лишь частично. Морщинистое лицо сохранило благородные черты – высокий лоб, тонкий нос с лёгкой горбинкой, изящно очерченные губы. Седые волосы были уложены в сложную причёску и закреплены серебряными шпильками. Но главное – глаза. Ярко-голубые, они светились таким живым блеском, что казались принадлежащими молодой женщине, случайно заточённой в старческое тело.

Хозяйка дома была одета в тёмно-бордовое платье старомодного покроя, с высоким кружевным воротником и длинными рукавами. На шее поблёскивало жемчужное ожерелье, а на груди – серебряная брошь необычной формы, напоми-

нающая переплетённые ветви с ягодами.

Её руки лежали на подлокотниках кресла – удивительно ухоженные для такого возраста, с длинными пальцами, увенчанными несколькими старинными кольцами с драгоценными камнями.

– Мария! – голос старой женщины звучал неожиданно мелодично, с лёгким дрожанием, которое скорее добавляло ему очарования, чем выдавало немощь. – Дитя моё! Наконец-то ты приехала ко мне!

Она протянула руку с такой естественной грацией, что Мария, словно загипнотизированная, подошла ближе. Пальцы старой женщины оказались удивительно тёплыми.

– Здравствуйте, Александра Николаевна, – произнесла Мария, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Спасибо, что пригласили меня.

Старуха не отпускала её руку, внимательно изучая лицо девушки.. Неожиданно она подняла свободную руку и почти невесомо коснулась собственной щеки, словно сравнивая.

– Да, да... есть что-то общее в чертах лица... Хотя глаза... – она слегка нахмурилась, но тут же улыбнулась. – В кого у тебя такие тёмные глаза, дорогая? В нашей семье они всегда были светлые.

Мария почувствовала лёгкий холодок, но постаралась не показать своего беспокойства.

– Должно быть, от матери, – ответила она.

– Ах да, твоя мать, – Александра Николаевна кивнула с

пониманием. – Жаль, что мы потеряли связь с той ветвью семьи. Так много лет упущено... Но теперь ты здесь, и это даёт мне надежду.

Последние слова прозвучали почти шёпотом, и в них слышалась какая-то особенная печаль.

Её взгляд переместился на Аню и Глеба, стоявших чуть поодаль.

– Молодого человека я помню... А эта прелестная девушка?

– Моя подруга Анна. Она помогла мне добраться сюда, а Глеб... Глеб был так добр, что подвёз нас, когда наша машина сломалась.

– Как добры молодые люди, – Александра Николаевна улыбнулась, и на мгновение её лицо осветилось почти материнской теплотой. – Подойди, милая, – она поманила Аню. – Позволь старой женщине полюбоваться на юность.

Аня нерешительно приблизилась к креслу старухи. Обычно уверенная и кокетливая, сейчас она выглядела стеснённой под изучающим взглядом Александры Николаевны.

– Какая красивая, – произнесла старуха, и в её голосе звучала искренняя нежность. – Такая... лучезарная. Напоминаешь мне себя в молодости. И волосы какого чудесного оттенка. Природный?

– Да, – девушка нервно улыбнулась, поправляя локон. – То есть... почти. Немного подкрашиваю для блеска.

– Понимаю, – протянула Александра Николаевна, и вдруг

её голос стал печальным. – В молодости мне не требовались такие ухищрения. Природа была щедра...

Она снова коснулась своей щеки, и этот жест показался Марии трогательным и грустным.

Глеб остался стоять у двери, скрестив руки на груди. Его глаза внимательно следили за каждым движением хозяйки дома.

– А вы, молодой человек? – Александра Николаевна обратила свой взгляд на него. – Не хотите подойти ближе? Вы знаете, я не кусаюсь.

– Мне и отсюда хорошо, – спокойно ответил Глеб, не сдвинувшись с места.

Что-то похожее на одобрение мелькнуло в глазах старухи. На секунду задержав взгляд на молодом человеке она снова повернулась к Марии. – Присядь рядом со мной, дорогая. Мне так хочется узнать тебя получше.

Мария опустилась в старинное кресло с высокой спинкой, которое указала Александра Николаевна. Тёмная обивка пахла старыми книгами и едва уловимым ароматом высушенных трав.

– Знаешь ли ты историю этого дома? – спросила старуха, не сводя глаз с лица Марии.

– Только то, что это довольно старый дом, – осторожно ответила девушка. – И что здесь когда-то жили ваши предки.

Александра Николаевна улыбнулась, и на мгновение она показалась Марии женщиной, которая просто делится се-

мейными воспоминаниями.

– О да, построен ещё моим прадедом в 1847 году. Он был известным меценатом и большим оригиналом. Говорят, что специально выбрал это место из-за особой энергетики. Что-то в воздухе здесь способствует долголетию и ясности мысли.

Она сделала паузу, словно погружаясь в воспоминания.

– Видишь портрет над камином? Это моя мать, Елена Варницкая. Прожила сто три года и до последнего дня сохраняла удивительную бодрость духа. А мне... – она вздохнула, – мне всего девяносто пять, но иногда кажется, что прожила несколько жизней.

Аня наконец-то обрела дар речи и включила своё обаяние.

– Вы прекрасно выглядите! – воскликнула она с искренним восхищением. – Честно, я бы дала вам максимум семьдесят пять!

Старуха рассмеялась – звонко и молодо.

– Лестишь, милая. Но мне приятно это слышать. Знаешь, возраст... – она задумалась, – это такая относительная вещь. Особенно в этом доме. Здесь время словно течёт по своим законам.

Она повернулась обратно к Марии, и её взгляд стал серьёзнее.

– Я так рада, что ты откликнулась на моё приглашение, дитя моё. Понимаешь, у меня нет близких родственников, никого, кто мог бы... продолжить семейные традиции. А «Серебряный туман» требует особого внимания и заботы.

– Ухаживать за пансионатом? – переспросила Мария.

– За домом, за моими дорогими постояльцами, – кивнула старуха с неожиданной нежностью. – Все они стали мне родными за эти годы. Они для меня словно дети. Видишь ли, я подумываю о том, чтобы передать всё это кому-то из семьи. Дом, землю, ответственность за людей, которые доверили мне свою старость.

У Марии перехватило дыхание. Она не ожидала таких серьёзных разговоров при первой встрече.

– Но... вы же меня совсем не знаете, – выдавила она. – Почему именно я?

Александра Николаевна наклонилась вперёд, и в её глазах появилось что-то мечтательное.

– Потому что в тебе течёт наша кровь. А кровь помнит, дитя моё. Хотя... – она склонила голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, – ты совсем не похожа на нас. И это, возможно, даже хорошо. Свежая кровь в старом роду.

В этой фразе было что-то, заставившее Марию почувствовать лёгкую тревогу, но старуха уже переключилась на Аню.

Та вмешалась, пытаясь разрядить атмосферу:

– А постояльцев у вас много? Должно быть, интересно слушать их истории!

– Сейчас немного, – ответила Александра Николаевна, и в её голосе появилась особая мягкость. – Всего шестеро. Удивительные люди, каждый со своей историей. Старые друзья, которые предпочитают тихую жизнь суете большого мира.

Вы познакомитесь с ними за ужином.

Она вздохнула и откинулась на спинку кресла.

– Мария, твоя комната уже готова. Я лично выбрала для тебя бывшую детскую – самую светлую комнату в доме. Надеюсь, ты найдёшь здесь всё, что нужно для покоя и размышлений.

Глеб, молчавший всё это время, наконец подал голос:

– Мне пора возвращаться, – сказал он, но в голосе звучало нежелание. – Дорога в темноте непростая.

– Конечно, – Александра Николаевна кивнула с пониманием. – Вера Николаевна проводит вас. И спасибо вам за заботу о девочках.

Экономка, всё это время стоявшая у двери как тень, шагнула вперёд.

– Идёмте, – сказала она Глебу, и Марии показалось, что в её голосе было облегчение.

Когда они направились к выходу, Глеб повернулся к Марии и Ане:

– Я приеду завтра утром, – сказал он. – Хочу убедиться, что с машиной Ани всё в порядке.

После его ухода в библиотеке воцарилась особенная тишина. Александра Николаевна продолжала изучать Марию взглядом, но теперь в её глазах читалась не хищность, а какая-то печальная надежда.

– Ты такая молодая, Мария, – произнесла она наконец. – И в этом доме не звучали молодые голоса уже так долго...

Надеюсь, твоё пребывание здесь станет благословением для нас всех.

В её тоне было что-то, что заставило Марию вспомнить о жетоне в кармане и крепче сжать его в руке.

Глядя в голубые глаза Александры Николаевны, Мария невольно вспомнила журнал на заправке и зловещие слухи об усадьбе. Но женщина перед ней казалась просто одинокой старушкой, которая цепляется за последнюю надежду на семейное тепло.

– Благодарю за ваше доверие, – сказала Мария искренне. – И постараюсь не разочаровать вас.

– О, я уверена, что не разочаруешь, – Александра Николаевна улыбнулась, и эта улыбка была полна тёплой бабушкиной нежности. – В конце концов, судьба сама привела тебя сюда, не так ли?

Прежде чем Мария смогла ответить на эту странную фразу, дверь библиотеки открылась, и вошла Вера Николаевна.

– Ужин будет готов через час, – объявила она, и её взгляд на мгновение задержался на Марии с выражением, которое можно было принять за тревогу. – Может быть, гости хотели бы отдохнуть?

– Да, конечно, – кивнула Александра Николаевна. – Пусть девочки освоятся. У нас впереди столько времени, чтобы... узнать друг друга получше.

Когда Мария и Аня вышли из библиотеки, следуя за Верой Николаевной, Мария почувствовала, как взгляд старуш-

ки провожает её тёплым, но каким-то слишком пристальным вниманием. Она невольно ускорила шаг.

Семичасовой звон старинных напольных часов разнёсся по коридорам усадьбы, когда Мария, наконец облачившаяся в простое чёрное платье, покинула свою комнату. После встречи с Александрой Николаевной она чувствовала смесь любопытства и беспокойства. Аня, разумеется, восприняла всё как захватывающее приключение.

– Ты готова к светскому ужину? – подмигнула Аня, выскользнув из соседней комнаты в ярко-красном платье. – Интересно, какие истории нам расскажут местные старожилы?

Но её обычная бойкость звучала немного натянуто, и Мария заметила, как Аня нервно поправляет волосы.

– Не будь такой легкомысленной, – нахмурилась Мария. – В этом доме есть что-то... особенное. Ты не заметила, как странно смотрели на нас? И эти разговоры о наследстве при первой встрече...

Аня попыталась рассмеяться, но смех вышел немного вынужденным:

– Ну да, атмосфера здесь своеобразная. Но старушка кажется милой, просто одинокой. И потом, ты действительно можешь ей помочь, разве нет?

Их диалог прервал звук шагов в коридоре. Вера Николаевна появилась как тень, её движения были настолько бесшумными, что казалось, она материализовалась из воздуха.

– Позвольте проводить вас в столовую, – произнесла она, и в её голосе звучало что-то похожее на извинение. – Александра Николаевна и наши постояльцы ждут.

Спускаясь по широкой лестнице, Мария ощутила, как воздух становится плотнее. В доме горели только свечи и масляные лампы, создавая игру теней на стенах. Она заметила, что её подруга тоже притихла, и её обычная уверенность куда-то делась.

Столовая располагалась в западном крыле особняка. Масивные двери из тёмного дуба открывались в просторный зал с высоким потолком и панорамными окнами, затянутыми тяжёлыми бархатными шторами. Центральное место занимал длинный стол красного дерева, сейчас сервированный для десяти персон. Хрустальная люстра, свисавшая с потолка на бронзовой цепи, дробила свет свечей на тысячи бликов.

Александра Николаевна восседала во главе стола в своём кресле. К удивлению Марии, она выглядела более оживлённой, чем днём, словно вечерние часы придавали ей энергии. Её волосы были уложены ещё тщательнее, а на шее вместо жемчужного ожерелья красовался кулон с синим камнем, который мерцал в свете свечей.

– А вот и наша дорогая гостья, – произнесла Александра Николаевна, и её голос звучал теплее.

Мария почувствовала, как на неё устремились взгляды всех присутствующих. Вдоль стола сидели шесть человек преклонного возраста – три женщины и трое мужчин. Все

они смотрели на неё с выражением любопытства, смешанного с каким-то печальным пониманием.

– Позвольте представить вам Марию, – продолжила хозяйка дома. – Моя дальняя родственница, которая так любезно согласилась погостить у нас.

Мария заметила, что при слове «погостить» несколько постояльцев переглянулись.

– А это, – Александра Николаевна указала рукой в сторону сидящих, – наша маленькая семья. Ольга Петровна, Сергей Александрович, Лидия Михайловна, Иван Васильевич, Валентина Дмитриевна и Алексей Петрович.

Мария кивнула и заняла указанное ей место по правую руку от Александры Николаевны. Аня устроилась рядом, автоматически включив своё обаяние, но теперь её улыбка казалась менее естественной.

– Какое потрясающее место, – сказала Аня, оглядывая столовую, но её голос звучал чуть менее уверенно, чем обычно. – Как в историческом фильме!

Она инстинктивно потянулась к телефону, чтобы сделать фото, но почему-то передумала, оставив руку висеть в воздухе.

Сидящая напротив Ольга Петровна – хрупкая женщина с удивительно прямой спиной и длинной, тонкой шеей – повернула к Ане своё птичье лицо. Несмотря на возраст, её движения пронизывала грациозность. Серебристо-седые волосы были собраны в безупречный пучок на затылке, откры-

вая высокий лоб с тонко прорисованными морщинками.

– Исторический фильм? – переспросила она, и в её голосе послышались отголоски бывшего сценического тембра. – Нет, милочка, это не декорация. Это настоящий дом, где каждая вещь помнит прикосновения многих рук... – её взгляд вдруг стал отстранённым, словно она видела что-то невидимое остальным. – Помню, когда я танцевала в «Лебедином озере» в Мариинском, декорации тоже казались живыми в свете рамп... Григорович сказал мне тогда... – она замолчала, моргнула, словно возвращаясь из далёкого прошлого. – Но это было так давно... или недавно?

Александра Николаевна мягко улыбнулась, и на мгновение её лицо озарилось почти материнской теплотой.

– Ольга Петровна была примой Мариинского театра, – мягко пояснила она. – Ее Одетта была признана лучшей в послевоенные годы.

Мария внимательно изучила пожилую женщину, подмечая детали, которые обычно ускользали от других. Несмотря на возраст, Ольга Петровна держала голову с гордостью настоящей балерины – подбородок слегка приподнят, плечи развернуты. Даже сидя, она инстинктивно держала стопы в первой позиции..

– Конечно, в петербургских особняках больше чувствовался имперский стиль, – продолжила Ольга Петровна, и ее голос приобрел певучесть, словно она декламировала. – На приеме у князя Юсупова... ах, какие там были люстры! На-

много больше этой, с хрусталем цвета шампанского...

Мария нахмурилась. Что-то не сходилось в хронологии. Юсуповы покинули Россию в 1919 году, а Ольга Петровна, судя по возрасту, родилась не раньше 1930-х. Либо она путает факты из-за болезни, либо...

– Ольга Петровна, вы опять витаете в облаках, – грубовато прервал ее мужской голос.

Мария перевела взгляд на говорившего. Высокий мужчина, даже сидя выглядевший внушительно, с квадратным подбородком и короткой седой щеткой волос. Его глаза автоматически оценивали входы и выходы из комнаты, словно он и сейчас находился в зоне боевых действий. Военная выправка чувствовалась в каждом движении, но что-то в его позе казалось... наигранным. Слишком подчеркнутым.

– ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ? – громко спросил он, наклоняясь к Ольге Петровне. – Я НЕ РАССЛЫШАЛ!

Он прекрасно слышал, когда она входила в столовую. Его глухота казалась избирательной – он буд то реагировал только на то, что считал важным.

– Я ничего не говорила вам, Сергей Александрович, – с легким раздражением ответила Ольга Петровна. – Вам следует наконец приобрести слуховой аппарат.

– АППАРАТ? К ЧЕМУ МНЕ АППАРАТ? Я ПРЕКРАСНО СЛЫШУ! – прогремел мужчина, стукнув кулаком по столу. – ВО ВРЕМЯ АФГАНСКОЙ КАМПАНИИ МЫ И НЕ ТАК ОГЛОХАЛИ. ПОМНЮ, В ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕ-

ТЪЕМ, ПОД КАНДАГАРОМ...

Мария заметила, как остальные постояльцы поморщились. Но детали его рассказов были слишком общими – типичные фразы из военных сводок, которые можно найти в любой книге о той войне.

– «И звук один другому отвечает, как будто дальний отзвук дальней речи», – негромко произнесла женщина, сидевшая дальше по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.